

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника

Бешеный лис

Покоренная сила

Перелом

Ближний круг

Женское оружие

Стезя и место

Бабы строим не воюют

Богам — божье, людям — людское

СОТНИК

Беру все на себя

Уроки Великой Волхвы

Глава 1

— аконец-то! Ну, здрава будь, Аннушка! — Алексей прикрыл за собой дверь новой горницы и с улыбкой повернулся к Анне. — Соскучилась, поди? Ну, что ж ты?

Анна шагнула напрямик в объятия, прижалась и тут же отпрянула:

— Ой, прости, родной! Больно, Леш?

— Да какой там! Царапина!

«Ага, царапина! Вон как дернулся».

— Ты сядь, Леша, сядь. Сейчас кваску налью.

— Да не мельтеши ты, Анюта, — с некоторой досадой проговорил Алексей, но ковш с квасом все-таки принял, отпил немного и с интересом осмотрелся. — Обустраиваешься, я гляжу. А спишь-то где? Неужто прямо тут, на лавке?

«Ну, кто про что, а ты про постель», — хмыкнула про себя Анна и постаралась отогнать прочь легкую досаду, которая внезапно нахально влезла поперек радости от встречи: ей так хотелось похвалиться именно ему, надеялась услышать от него слова одобрения, а не снисхождения! Но не устраивать же из-за пустяка свару! Чай, не впервой пропускать мимо ушей мужские уколы и попреки. Вслух же принялась объяснять, что в новом тереме у нее не одна маленькая горенка,

как было на прежнем месте, а целые покои: вот этот ...кабинет — это слово она по-прежнему произносила с запинкой, не доверяя своей памяти, и отдельно, за дверью — опочивальня. Алексей то ли слушал, то ли просто ее разглядывал.

«Соскучился! А уж я-то как истосковалась...»

— Ну, так ты у меня и вовсе скоро боярыней сделаешься, — с добродушной усмешкой проговорил он. — Живешь теперь в тереме, на людях к тебе уже и подойти боязно: ни дать, ни взять — боярыня!

— А меня и так уже боярыней признали, Леш, — не удержавшись, с гордостью похвасталась она. — Отроки и вовсе матушкой-боярыней зовут.

— Да и пусть...

«Зовут — ладно, но ведь они и в самом деле родными детьми мне стали...»

Алексей отставил ковш с квасом и потянулся к ней:

— Я не отрок, я тебя по-другому называю, лапушка моя.

— Нет, погоди, — она отстранилась от него, пересела на место, которое потихоньку становилось привычным — за свой стол. Не такой большой, как у Мишани, и без такого множества ящичков, но тоже удобный. — Коли уж ты сам заговорил про боярыню... Спросить тебя хочу...

— Эй, ты куда? — он скорчил дурашливо-обиженную гримасу, но тут же махнул рукой, скривился и осторожно, прислушиваясь к боли, развалился на лавке.

— Ну, давай, спрашивай, чего там?

«Поймет ли он материнскую заботу? Ладно, все равно рано или поздно пришлось бы об этом заговорить».

Анна покачала головой:

— Все-таки болит. Вот об этом и хочу спросить: ну зачем ты к тому старику на мечи полез? Неужто

надо было дожидаться, пока Андрей сам сообразит и за самострел возьмется?

— Чего? — не ожидавший такого поворота в разговоре Алексей резко выпрямился на скамье и зашипел, прижав руку к боку. — Ты чего, Анюта?

«Ну вот, сразу же на дыбы встал».

Анна, ожидая встретить раздражение или гнев в ответ на свой вопрос, взглянула ему в лицо: в глазах Рудного воеводы стояло совершенно искреннее недоумение.

— О чем ты? Испугалась, что ли? — он пренебрежительно усмехнулся. — Да что со мной станется? Мальцы тебе, небось, по глупости да с перепугу ужасов всяких наговорили, а ты и поверила... Лучше иди ко мне, лапушка!

«Опять все на смешки переводит! Я же не из пустого любопытства расспрашиваю! Мишаня сказал — мальчишки из-за его самовольства и хвастовства погибли...»

Она закусила губу, но продолжила, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. Ну, должен же он понять, в конце концов, что ей и до этого дело есть! Неужели не видит, что ей и так новая ответственность непросто дается? Если уж он ее ни во что ни ставит, как тогда с другими управляться?!

— Я хочу знать, почему ты сразу не отдал приказ отрокам стрелять? Зачем сам полез?

Алексей досадливо поморщился; к недоумению добавилась досада — вот же привязалась:

— Какой еще приказ, Ань? Никак, ты головой ушиблась? Говорю же тебе, ничего страшного! И рана пустячная — всякое случается...

«Как с простой бабой говорит! Причем тут мой испуг? Что ж я, ни о чем другом и думать уже не могу?!»

Анна сдержала растущее раздражение и попыталась продолжить:

— Ты же у отроков наставником. Твое дело учить их, а не самому с мечом красоваться.

* * *

После известия о ранении Алексея, рассказа о том, как он его получил, и объяснений наставников, что к чему, Анне хватило времени подумать, поэтому при встрече на мосту она еле сдерживалась, чтобы прямо здесь, при всех не обвинить старшего наставника в небрежении обязанностями. Правда, когда Алексей с трудом, поморщившись от боли, наклонился за поданным ковшом с квасом, кольнуло: «Как еще дорогу-то выдержал, бедный?» Покосилась на Юльку — та смотрела на них во все глаза, и на её лице читалась отчаянная девчоночья зависть к недоступному пока откровенному женскому счастью...

«Вот дурочка-то — ну да, у нее свое на уме... Чего тарщишься? Лекарка ты или нет? Не видишь, что ли — больно ему».

Боярыня едва не уступила место простой женщине: потянуло припасть к стремени, запрокинуть голову и жадно обшаривать взглядом любимое лицо. Но Анне уже столько раз повторяли, что обычные бабы слабости для нее больше не должны существовать, что она прогнала это желание, хотя чуть не проследилась от жалости к самой себе: Арина вон ни мгновение не колебалась, бегом к своему Андрею бежала, слезами его умыла, и ей даже в голову не пришло себя сдерживать. И никто ее в том попрекать не стал: в своем праве баба.

«Вот именно, баба! Ты, матушка моя, в боярыни рвалась? Ну и будь боярыней!»

И зря ты о Юльке сейчас так. На себя посмотри! Лекарка, конечно, от бабьей судьбы отказывается, ну так она мала еще, не попробовала. У тебя самой-то хватит

сил женское счастье на боярство променять? Вон она, радость твоя: сидит в седле, скособочившись, да глазами тебя буравит. А и не буравь, Лешенька, не буравь... Не Аннушка перед тобой стоит, даже не Анна, а боярыня. И ты сейчас не зазноба моя. Коли хочешь дальше по жизни со мной вместе идти, так должен понять, что у меня тоже теперь дело есть, важнее всего остального. Не для себя – для рода... Не мог же тебе Корней ничего не сказать?»

* * *

– Чего? – странный разговор раздосадовал Алексея уже всерьез. Оно, конечно, пошутковать он и сам не прочь, но сейчас, в нетерпении, после разлуки... Да и тошно, устал за эти дни, как скотина, вымотался. Ведь впервые воевал с одними сопляками, уж лучше опять с разбойничьей ватагой – с теми хоть привычно...

И сюда, к ней, шел с одной мыслью – отдохнуть, душу отогреть. И на тебе! Вот же нашла к чему прицепиться!

– Отвяжись, Анюта! Не до того мне сейчас... Хватит глупости-то... Погляди лучше, чего привез тебе – красота какая! – Алексей вытащил из-за пазухи сверток, развернул тряпицу и на его ладони сверкнуло серебром зарукавье чудной работы.

«Да что он от меня безделушками откупается!»

Анна слегка побледнела и, даже не взглянув на украшение, вздохнула поглубже, сложила руки на груди и нарочито спокойно проговорила:

– Что добычу вы взяли богатую, я уже слышала, хвалю, но я сейчас не о том... Ты, воевода, вернулся из похода, и я, боярыня Лисовинова, спрашиваю с тебя, как ты в том походе с лисовиновской дружиной управлялся, сколько отроков погубил и сколько назад привел.

— Анют, ты чего? — Алексей, все еще не веря, что она говорит всерьез, только тут и пригляделся повнимательнее к своей женщине. — Какой еще тебе спрос?!

— Ты сам меня боярыней назвал. Или от своего слова отказываешься? — издевки в голосе вроде и не слышно, но Алексей ее явственно уловил: то ли в прищуре, то ли в слегка искривленных губах показалось ему что-то... эдакое... Неприятное, то, что он доселе в Анне не только не видел, но и не подозревал. Открыл было рот, чтобы осадить, но она не дала себя перебить и повысила голос:

— Вижу, что слово твое крепко, воевода, — откуда только у баб такое ехидство лезет? И ведь не придерешься — ни малейшей ухмылочки на лице! — А потому ответствуй мне, боярыне Анне Павловне: ты зачем отроков зазря загубил? Почему сам подставился? — А последние вопросы и вовсе обвинением звучали. — Что вы, наставники, там делали? Вы в поход пошли или так, в лесочек за речкой прогулялись?

Вот тут Алексея накрыло гневом уже настоящему! Ушам своим не поверил: ополоумела она, что ли?

— Анна! Да...

Забыл про боль, вскочил, отшвырнув так и не врученный подарок, охнул, подшагнул к столу и изо всей силы грохнул по нему кулаком:

— Ты куда, баба, лезешь? Не твое дело!

— Нет уж, мое как раз! — Анна неожиданно для себя самой почувствовала что-то вроде удовлетворения: ну наконец-то! Понял, что она не шутит, а то разговаривал как... как с бабой! Ну, сейчас ему... — Ты МОИХ отроков за болото повел! Сколько обратно вернулось, а? Отвечай боярыне, воевода! — Анна кричала, уже не сдерживаясь, и Алексей вспомнил свои слова, сказанные вот только что, вроде бы в шутку, но

оказавшиеся пророческими. Боярыня и в самом деле была грозна во гневе. Но и хороша тоже — этого у нее не отнимешь. Но вот причины этого внезапного для него скандала он и сейчас совершенно не мог понять.

Не блажила никогда его Аннушка, так чего ж теперь-то? А может?.. От внезапной надежды даже гнев отпустил. Может, в тягости она? Но если так, то пусть блажит, и не такое стерпеть можно!

— Анют, ну что ты в самом деле, ну, успокойся, — Алексей попытался уговорить ее, но не тут-то было!

— Что вы там за циркус устроили? Один с изуродованной мордой остался... Красавчик, тоже мне! Второго так и вовсе, как барана, зарезали! Ты сам вон кривишься, за бок держишься! Какого рожна ты на мечи полез? Почему не велел отрокам стрелять?

— Анна, не лезь, говорю! Я тебя не учу кашу варить, вот и ты не учи меня рать водить! — Рудный воевода изо всех сил пытался сдерживаться, но получалось все хуже.

— Да плевать мне, как ты там ратишься, ты мне обратно моих детей приведи! — Анну уже откровенно понесло: в здравом уме она никогда бы не позволила себе не только таких слов, но и такого тона. И не заметила, что боярыня, которой она так старалась стать, куда-то пропала, вместо нее опять появилась простая баба, причём баба скандальная. И орала она от души. — «Ничего страшного!» А с вдовой Анисима ты, что ли, покойника оплакивать станешь? Что я матери Георгия скажу? Что усадьбу им тут обустроят? Сдалась ей та усадьба — вместо живого сына! А обо мне ты подумал? Я одного уже похоронила, не хочу больше! Не хочу!

— Ты берега-то не теряй!

Алексей оттянул ворот рубахи, помотал головой и неожиданно даже для себя брякнул:

— Нет, знал, что бабы в тягости чудесят, но не так же!

Анна открыла было рот, чтобы выкрикнуть еще что-то, да так и осталась стоять — ни дать ни взять, рыба на песке. Не сразу до нее дошел смысл услышанных только что слов, она чуть не переспросила, о ком это он, а когда поняла, то в голову еще сильнее ударило — от обиды и разочарования.

«Так это он, выходит, не боярыню слушал, а беременную бабу ублажал? Ну, Лешенька, ну, я тебе сейчас!..»

Нет! Нельзя! Он тогда вовсе со мной считается перестанет! Анька, думай!»

Но язык прикусить уже не успела, само собой сорвалось:

— Кто тут в тягости, не знаю, сам ищи! А я еще подумаю...

И надо бы себя по губам хлопнуть, да поздно. Недоумение, обида, боль промелькнули на любимом лице и исчезли, сменившись тяжелой и холодной, как осенний туман, злостью.

— Надо будет — поищу! — отрезал воевода. — И не смей меня учить, баба! Девкам своим сопли вытирай! А об этом ты ничего не знаешь и знать не можешь! Так *надо* было! — Алексей не понял, что его больше взъярило: то ли ее непонятная попытка влезть в воинские дела, то ли внезапное крушение им же самим придуманной надежды.

Анна попыталась что-то вставить, только куда там — теперь он ее и вовсе не слышал:

— Ты *мне* в ратных делах указывать собралась? Боярыня, ишь! Не тебе с меня спрашивать! — договаривал он уже возле порога. Саданул напоследок кулачищем о косяк и хлопнул дверью.

«Встретились, называется!»

Не ко времени сунувшаяся за каким-то делом хлопка едва не получила в лоб тяжелым ковшом: Анна

с разворота чуть не швырнула его в сторону скрипнувшей двери, но выплеснувшийся квас промочил боярыне рубаху, малость остудил гнев и помог взять себя в руки.

Выслушала какой-то вопрос, что-то ответила, дождалась, пока дверь прикроется, и только потом от души шваркнула ни в чем не виноватой посудиною об стену.

«Господи, теперь еще и рубаху из-за него переодевать! В этой на люди уже не покажешься! Ну, Лешка, ну, удружил!»

За дверью послышался топот ног, под окном — чьи-то голоса; отроки и девицы собирались на посиделки. Все раздражало, мешало сосредоточиться.

«Ну, никакого покоя! И подумать не дадут. Сейчас еще и на посиделках за ними приглядывай, вид боярский являй! Сил моих нет!»

Потом все-таки передела мокрую рубаху, вздохнула несколько раз, успокаиваясь, и только было собралась выйти из горницы, как услышала за окном голоса Верки и Макара. Видать, его очередь пришла за отроками присматривать, а жена за ним увязалась — языком почесать.

Вышла на крыльцо, позвала Верку, велела ей после посиделок позаботиться, чтобы девицы вовремя спать улеглись.

— А ты куда, Анна Павловна? Стряслось чего? — встревожилась Говоруха.

— Ничего не случилось. В часовню мне надо.

Верка внимательно взгляделась в лицо боярыни, что-то для себя поняла, кивнула:

— Я присмотрю тут. Иди, дело нужное.

Привычные с детства молитвы, однако, не помогли погасить раздражение и злость на Алексея с его непробиваемым мужским упрямством.

«Остальные наставники меня боярыней признали, а этот только свою бабу видит. Боярыней я для него еще не скоро стану. Да и стану ли хоть когда?..»

Не раньше, чем он боярином делается. Сам, а не из чьих-то рук боярство получит. Он же в Ратное, ко мне, не победителем прибыл, а приполз израненным зверем. Раны залечивать, сил набираться. Его тогда Аннушка из воспоминаний о молодости поманила – ее и увидел. Но и взрослую Анну тоже оценил... Как он тогда про Арину сказал? «Не живут такие только домашними хлопотами... И ты, ненагляда моя, такая же». Значит, не нужна ему наседка, которая дальше своего гнезда ничего не видит. Так чего же он теперь меня обратно в то гнездо чуть не коленом запикивает? Решил, что с наседкой проще? Может, я слишком спешу вперед, вот он и не поспевает за мной?

Но ведь наша жизнь здесь меняется, за один месяц перемен больше, чем раньше за десять лет! И мне тоже меняться приходится, да еще как сильно! Я ведь сама себя ломаю, живьем куски от себя отдираю, чтобы стать той боярыней, которая нужна роду. Господи, кто бы знал, как это больно и страшно! Как мне сейчас нужна его поддержка и одобрение! Неужто ему самому никогда не приходилось себя ломать?..»

Или ему Анна-боярыня без надобности? Рядом с Аннушкой витязем быть просто, а вот боярыне нужен муж ей под стать. Лешка сам вверх рвется; после этого похода, видать, надеялся еще выше подняться, а тут я... не Аннушка, а Анна Павловна... Я-то ведь тоже на месте не стою... И сама изо всех сил вверх выбираюсь, и подталкивают меня... И он, так же как и я, не только себя, но и других не щадит... Только вот у него это «не щадит» смертями оборачивается».

Хоть и прожила Анна более пятнадцати лет в воинском поселении, хоть и насмотрелась на то, с какой легкостью ратники и сами на смерть идут, и других убивают, но привыкнуть к их отношению к своей

и чужой жизни так и не смогла. Женская суть не позволяла. Вот и сейчас, вроде бы поднявшись над обыденными, приземленными женскими хлопотами, умом осознавая, что те перемены, которые наваливались не только на Ратное, но и на все Погорынье, без крови обойтись никак не могут, она, тем не менее, по неистребимой женской привычке рвалась отвести погибель хотя бы от близких. И с изумлением понимала, что близкими для нее теперь стали не только ее дети или другие члены сильно разросшегося клана Лисовинов, но и все, кто обитал в крепости.

Отроки, которые по простоте душевной называли ее матушкой-боярыней, и не подозревали, как много это обращение меняло в ней самой. Она и в самом деле чувствовала себя сейчас Матерью и им, и девочкам, и плотникам (даже скандальному Сучку!), и наставникам. Неважно, что покалеченные воины все, как один, старше нее годами — все равно они ее дети, она за них за всех в ответе, всех сберечь должна!

«Не страшно, говорит... Убивать и умирать не страшно... Для война — может быть. А ты, матушка, готова с таким смириться? Пресвятая Богородица, Ты сама мать, все мы — дети Твои! Вразуми, Царица Небесная! Ну что я не так сделала, что не так говорила, почему не понял он моей тревоги? Подскажи! Что еще мне нужно в себе переступить, чтобы на нужную дорогу выйти?»

Сколько советов выслушала, сколько сама передумала, а то одно боком выходит, то другое. Только-только что-то получится — и опять лбом об стенку колочусь!

Неужто и впрямь к Нинее на поклон идти?»

То, к чему подталкивал Филимон, что почти приказывал Аристарх, постепенно выростало в осознанную потребность: надо учиться не просто боярскому делу. Мужики ей много чего умного подсказывали, но и слепо их слова принимать нельзя: не все мужские

советы для женщины подходят. А научить женскому боярству, женской власти одна только боярыня Гредислава Всеславна и могла. Великая Волхва Велеса.

«Господи, страшно-то как! Пресвятая Богородица, укрепи дух мой!»

Оставив после бессонной ночи часовню и неспешно пройдя по еще тихому крепостному двору, Анна поначалу решила, что обозналась в предрассветном тумане. Подошла поближе — и в самом деле, на лавке сидел Филимон. Старый наставник спал мало: то раны мучили, то ломота в костях одолевала, то бессонница привязывалась. Вот и сейчас боярыня не поняла, просто так ли он сидит с прикрытыми глазами, задремал ли, прислонившись спиной к теплой стенке кухни, или...

«Неужто меня тут караулит? С него станется...»

Хотела потихоньку пройти мимо, чтобы не потревожить покой старика, но он внезапно зашевелился, передернул плечами, открыл глаза.

— Что, Анюта, с Лехой поругалась?

— Ну... не то чтобы поругалась... так как-то...

«Уже, поди, вся крепость знает... А ты чего ждала? Стала бы я в часовне всю ночь торчать, если бы у нас с Лешкой все вчера сладилось...»

— Угу, — Филимон вздохнул так, будто уже сотый, если не больше, раз повторял одно и то же. — Ты его неосторожностью попрекнула, а он не внял, да еще и сгрубил. Так?

— Я не только его... я вообще про всех наставников говорила! Ни один ведь целым не вернулся, какой же это пример отрокам? — на Анну снова накатила давешняя обида.

Она начисто позабыла свой крик: «Ты обо мне-то подумал, когда полез?!». И не обманывала стари-

ка, а была непоколебимо уверена, что разговор шел обо всех наставниках сразу: у женского разума своя правда.

— Ай, молодчина! — Филимон, похоже, приятно удивился. — Истинно боярыня! А он, значит, не внял?

— А как же? Баба, вишь, в его воинские дела встречается! — подхватила Анна, почувствовав поддержку и сочувствие. — Невместно дуре...

— Ну, незнание не есть дурость...

— Это чего же я не знаю? Я вдова десятника и невестка...

— Вот это дурость и есть! — перебил Филимон. — Ежели решила, что все знаешь и обо всем судить можешь, значит, дура!

Анна сама себя кулаком за душу схватила, чтобы не сорваться на крик, такими неожиданными и обидными показались последние слова старого воина, но удержаться от язвительного тона не смогла:

— И что же это такое тайное мне неизвестно?

— А вот загибай-ка пальцы... давай-давай, а то у меня, вишь, руки заняты, — Филимон кивком указал на сложенные на клюке ладони. — Перво-наперво, Анисим. Знаешь, Анята, про то, кто в бою выживет, никогда не угадаешь. Самый бывалый воин тебе этого не скажет. А вот кому суждено погибнуть... Случается такое: глянешь, и сердце застынет. У него на лице тень... не смертная, нет, а... не знаю даже, как и сказать... тень безнадежности, что ли. Смотришь и понимаешь — не жилец. Беречь такого бесполезно, хоть в обоз его отошли, а он и там либо споткнется да голову расшибет, либо куском насмерть подавится, либо еще что-то с ним стрясется, порой и вовсе глупое, а сгинет. И ничего с этим не поделаешь.

Вот и с Анисимом то же самое. Не судьба ему была живым вернуться. Глупо погиб, нелепо... Люди

говорят: «Удача ушла», а коли так, то и в речке соришь, и в печке захлебнешься. Он сам это чуял... даже хуже — сам в это поверил. Такие не выживают.

А что до тайны... Для вас, для баб, это не совсем, чтобы уж и вовсе тайна. Бывает, чувствуете вы: не вернется лапушка. Гоните эти мысли от себя, маетесь, а сердце-то — вещун. М-да... не пускать бы Анисима с отроками, но кто ж такое пророчить-то решится? Вот и вышло... Так что, попрекай — не попрекай, а нет здесь ничьей вины.

— Но все равно! Мог же ты упредить... или еще как-то...

— Угу. Палец-то загнула? Загнула. Теперь второй загибай. На Глеба, значит. Он, считай, тоже покойник. То, что стрела вскользь прошла — редчайшая удача, могло и пыром попасть. Был Глеб — и нету. А все почему? А потому, что он хуже наших отроков выучен!

— Что-о?

Анне показалось, что она ослышалась: зрелый воин, десятник и хуже мальчишек выучен?

— То! Ну-ка, припоминай, когда нашим ратникам в последний раз довелось укрепленное место на щит брать?

— Кунье... весной.

— Это не то. Там не на щит брали, там изгоном захватывали. А вот так, чтобы двери или ворота вышибать, а оттуда умелые стрелки, да бронебойными стрелами... А?

— Ну... — Анна только плечами пожала — нашел, о чем спросить. Возможно, и было такое, да много ли ей Фрол с Корнеем рассказывали? — Откуда мне знать-то? А что, давно?

— То-то и оно, что давненько. Я даже и не скажу, стал ли уже Глеб к тому времени новиком или еще нет. А отроки-то наши в учебной усадьбе... — Филимон